

как не относящиеся к делу, стихотворное обращение «к читателю сего летописца от типографов» и послесловие-молитва, заключающие собой книгу.

Наряду с сокращениями сделано также несколько добавлений, из которых наиболее заметными являются следующие четыре.

Первое касается вопроса о времени появления письменности на Руси. По «Синописису», она возникла у «русов» в 790 г. Составитель «Летописи», сославшись на «скорописные летописцы», дополняет эти известия сведениями о «преложении книг с греческого языка на словенский» братьями Константином и Мефодием «в 6409 году» и о том, что у болгар, славян, сербов, «арбанасов, босан и руси» — «един язык» (л. 505 об.). Второе относится к рассказу о деятельности знаменитого князя «Олега вещего». Видимо, из патриотических побуждений составитель продолжил главу «О владении Олегом в Киеве и о смерти его» выразительными сказочными подробностями, известными по «Повести временных лет», — о завоевании Царьграда хитростью, сославшись и в этом случае на «скорописный летописец» (лл. 507 об.—508).¹⁵ Третье добавление — продолжение главы «О княжении Всеволода Ярославича в Киеве» рассказом о перенесении мощей игумена Феодосия Печерского в 1091 г. и о «чуде», якобы происшедшем «того же лета» («Спаде от небесе змей велик», л. 530). Четвертое дополнение внесено в главу «Второй промысл отмищения Ярополка над Болеславом». Как и предыдущее, оно касается «чуда» — «небесного знамения», сопровождавшего будто бы похороны перемышльского князя Андрея Владимировича в 1141 г. («три солнца сияюща и три столпы от земли до небеси», л. 534).

Как видим, сокращения или дополнения, внесенные в самый текст «Синописиса», в большинстве случаев продиктованы чувством национальной гордости, интересами престижа русского народа. Отсюда желание составителя «Летописи» дополнить готовый текст элементами сказочной и церковной фантастики, чудесами, знамениями, которые якобы искони сопровождали деяния русских людей. Но ни привнесения, ни сокращения ни в какой мере не нарушали основной концепции «Синописиса», обосновывавшего идею преемственности власти киевских князей московскими князьями и царями и выдвигавшего мысль о единстве, кровном родстве между народами «Великой, Малой и Белой России».¹⁶

Эти идеи, определившие, по словам И. П. Еремина, и план книги, и отбор исторических фактов, подлежащих изложению, руководили не только автором «Синописиса». Их полностью разделял и составитель «Подробной летописи».

«Синописис» в составе «Пространной летописи» не составляет цельной самостоятельной композиционной единицы: его главы рассыпаны и рассредоточены между главами основного текста (лл. 407—560, 690 об.—691, 777—786). Это произошло не случайно. Дело в том, что «Синописис» не был полным и последовательным изложением событий русской истории в тех хронологических рамках, которые являются крайними границами книги.¹⁷ Ее автор и не стремился создать «учебное пособие» по общерусской истории. Задача его, как мы видели, была иная, и для ее решения

¹⁵ Под «скорописным летописцем» следует, видимо, иметь в виду «Хронограф» русской редакции, откуда и извлечены указанные дополнения. См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в «Хронограф» русской редакции. М., 1869, стр. 5, 138.

¹⁶ И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 214—216.

¹⁷ См. об этом в статье: С. Л. Пештич. «Синописис» как историческое произведение. — ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 286.